

ГОМЕР И ЕГО ПОЭМЫ В СВЕТЕ ЖИВОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ «МАНАСА»

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы типологической общности процессов передачи и сохранения эпической традиции. Давний спор литературных критиков о том, можно ли считать Гомера автором поэм «Илиада» и «Одиссея», или они являются плодом коллективного труда его подражателей, привел к противоречивым решениям и длительной полемике между сторонниками нескольких теорий возникновения античного греческого эпоса. Появление первых записей героического эпоса «Манас» из уст живых сказителей позволило по-новому взглянуть на вопрос о роли эпического певца в создании героических поэм и передаче эпической традиции. Автор статьи предлагает рассматривать Гомера в качестве классического образца эпического сказителя, воплотившего в своих поэмах широкую картину мифоэпического мировосприятия античных греков.

Ключевые слова: гомеровские поэмы, героический эпос «Манас», эпический певец, живая эпическая традиция, эпическая среда, эпическое знание.

Первые исследователи «Манаса» Ч. Валиханов и В. Радлов, производя записи эпоса со слов сказителей, сразу же столкнулись с особенностями живой эпической традиции. Живое исполнение кыргызского эпоса значительно отличалось от знакомых им образцов народной поэзии, бытовавших у других народов Южной Сибири и Средней Азии. В предисловии к первому изданию текста «Манаса» В.В. Радлов указывает на ряд отличительных особенностей бытования героической поэзии в среде кыргызов, проживавших во второй половине XIX в. вокруг Иссык-Куля и в долине р. Чуй.

Кыргызские сказители демонстрировали способность исполнять эпическую поэму с любого эпизода, проявляя феноменальную память и знание всех деталей сюжета. «Опытный певец в состоянии воспеть какой угодно ряд событий, если только знаком с ходом дела. Когда я спросил одного из лучших певцов, может ли он мне пропеть ту или другую песню, он ответил мне: “Я могу спеть какую бы то ни было песню, так как Бог наделил меня искусством пения, он влагает в мои уста слова и мне не приходится искать их; я не выучил ни одной песни, все вытекает из меня”. И он был прав. Певец-импровизатор воспекает, не размышляя о форме...» [5, с. 28].

Надо уточнить, что когда В.В. Радлов отмечал способность певца воспеть любую песню, «не размышляя о форме», он подразумевал, что эта форма уже имела закрепленный, устойчивый характер и исполнялась в традиционной фольклорной среде. Кыргызский эпический певец, со своей стороны, принимал во внимание то обстоятельство, что аудитория уже хорошо знакома с традиционным сюжетом «Манаса», сложившимся в народной памяти, и в том числе знакома с фабулой эпизода, избранного для исполнения. Мало того, он понимал, что слушатели ждали исполнения сказания именно в той технике и общем стиле, которые уже были одобрены и закреплены эпической средой.

Выбор песни или эпизода эпического сказания мог происходить по заказу собравшихся слушателей, в коллективной памяти которых уже присутствовала некая цельная картина эпических событий и основных характеристик центральных героев. Кроме этого, выявилось еще и то, что аудитория,

как правило, не нуждалась в том, чтобы сказитель исполнял сюжет песни последовательно с зачина.

Такие наблюдения закономерным образом натолкнули первых исследователей «Манаса» на идею привлечения этих свидетельств живой традиции для решения оставшихся к тому времени спорных вопросов происхождения гомеровских поэм «Илиада» и «Одиссея» и так называемой «проблемы сюжетных противоречий».

Сторонники «теории индивидуального творчества», которых принято называть «унитаристами», склонялись к мнению, что Гомер являлся единственным автором этих поэм. Сторонники же «коллективной теории», или «аналитики», считали, что поэмы создавались из разных песен путем их объединения и обработки несколькими авторами. В последующий период популярными стали доводы «неоаналитиков», попытавшихся сблизить две противоположные позиции с учетом новых данных о времени происхождения эпических поэм троянского цикла. Наиболее полно история и библиография «гомеровского вопроса» были освещены в авторитетной работе А.Ф. Лосева, всесторонне проанализировавшего позиции огромного числа исследователей творчества Гомера, и констатировавшего некоторые итоги из обзора научных споров по данному вопросу [3, с. 268].

Исследования американского ученого начала XX в. М. Пэрри убедительно доказали фольклорную природу древнегреческих поэм, которая была установлена им на основе тщательного анализа устойчивых поэтических формул и эпитетов, характерных для стиля «Илиады» и «Одиссеи». Согласно М. Пэрри, тексты рождались в процессе многократного исполнения сказителями, искусно владевшими мастерством устного сложения песен. Сказитель, ориентируясь на известные ему образцы стиля, знание сюжета, поэтической лексики, складывал эпическую песню посредством подстановки формул в определенную метрическую позицию и комбинирования тем. Формулы и темы образовывали так называемые эпическое знание и эпическую память, суть которых не сводилась к способности заучивать наизусть тысячи стихов. Таким образом, сказитель мог воспроизводить большие эпические поэмы по определенным поэтическим структурам, оставаясь строго в пределах одной системы.

Становится очевидным, что вопрос об авторстве «Илиады» и «Одиссеи» долгое время не находил правильного решения именно потому, что эти поэмы рассматривались многими исследователями исключительно с позиций литературного анализа. В таком же ключе вплоть до середины XIX в. рассматривался и весь средневековый европейский народный эпос. В свое время А.Н. Веселовский по этому поводу справедливо отмечал: «Западные ученые, которые очень мало знакомы с живущей эпической поэзией, невольно переносят на вопросы народной поэзии в древнем периоде вопросы критики чисто книжной» [1, с. 622].

Попытка сравнить процесс сложения древнегреческих поэм «Илиада» и «Одиссея» с учетом наблюдений, сделанных на примерах живой эпической традиции, действительно может способствовать лучшему пониманию сюжета древнегреческих героических поэм и их бытования в фольклорной среде соответствующего периода развития древнегреческого общества. Такой подход, по нашему мнению, позволяет соединить аспект коллективного авторства эпических песен и аспект индивидуального сказительского мастерства, выраженный более в стилистическом оформлении сказа (в расширении мотивиро-

вок действий и характеристик персонажей), чем в прямом сюжетно-образном новаторстве. Отметим, что такой взгляд на Гомера: не с точки зрения «уни-таристов» или «аналитиков», а с позиций законов эволюции эпической традиции, как на наиболее ярко проявленного эпического певца, — позволил бы снять многие из вызывавших в свое время бурную полемику вопросов.

Смеем предположить, что первооткрыватели «Манаса» (Ч. Валиханов и В. Радлов) хотели указать именно на эту фольклорную природу героических песен древних греков, когда говорили о большом значении изучения живой эпической традиции кыргызов для правильного толкования «Илиады» и «Одиссеи», как памятников культуры античной эпохи. Если признать, что в эпоху Гомера существовала активная и живая эпическая традиция, закрепившая в сознании общества характерное для «героической эпохи» восприятие важнейших событий истории античного мира, то вопрос о том, был ли древнегреческий певец действительно единоличным автором поэм «Илиада» и «Одиссея», или их создавали и редактировали несколько неизвестных авторов, снимается с «повестки дня».

Война объединенных сил ахейцев против жителей Трои, которая длилась десять лет и завершилась взятием вражеской столицы, стала центральным событием, положенным в основу целого цикла поэм о героях этой войны. Известно, что в «Илиаде» описаны лишь те «события», которые относятся к последнему году завоевания Трои. Если быть более точным, то, как установил А.Ф. Лосев, время действия гомеровской поэмы охватывает собой только 51 день, но подробно описаны всего лишь 9 дней этого последнего года. При этом вся предыстория причин войны, а также ее итоги вынесены за рамки повествования и восстанавливаются из сюжета других поэм троянского цикла, названных исследователями «киклическими».

С точки зрения литературного представления об эпическом сюжете не совсем понятно, почему в поэме Гомера отсутствует предыстория Троянской войны, ничего не говорится о ее причинах, а повествование начинается с описания гнева Ахилла, возмущенного поведением главного предводителя ахейской военной коалиции Агамемнона, отнявшего у него добытую в сражении пленницу. Гнев главного героя поэмы становится поводом для отстранения от участия в сражениях. Обида Ахилла настолько велика, что за него вступается Зевс, обещая матери героя, нимфе Фетиде, наказать ахейцев поражением в войне. Критики Гомера указывали на то, что автор якобы забывает об этом в последующих главах, так как это обещание не исполняется. Это и является, по их мнению, явным сюжетным противоречием и доказательством того, что поэма составлялась разными авторами из различных поэм. Если же посмотреть на этот вопрос с точки зрения эпического певца, то никакого противоречия в изложении событий нет. Поставив в зачин «Илиады» описание гнева Ахилла, Гомер сразу вводит слушателей в гущу событий. Первая песня полностью раскрывает нам ситуацию, когда в стане ахейских вождей нет единства, война против троянцев идет с переменным успехом, боги то помогают грекам, то встают на сторону троянцев. Здесь нет сюжетного противоречия, напротив, этими обстоятельствами сказитель дает понять причину длительности военного противостояния и безуспешность осады Илиона.

Сегодня исследователям древнегреческой поэзии известны следующие поэмы троянского цикла: «Киприи», «Эфиопида», «Малая Илиада», «Гибель Или-

она» и «Возвращение». Заметим, что во всех этих поэмах присутствуют те же главные герои и персонажи, что в «Илиаде» и «Одиссее» и их сюжетные линии образуют некую цельную эпическую картину с единой темой, объединенной вокруг похода ахейцев против жителей Трои и союзных им племен.

Образы, представленные в «Илиаде», подвергались всестороннему анализу, и методы исследования были достаточно разнообразны. Кто-то брал в качестве основного метода исследования установление идейно-художественного значения образов, кто-то пытался выявить их историческую основу, другие обращали внимание на их связь с локальными культурами древних греков, но один принцип оставался для всех исследователей единым. Полноценный анализ образной системы «Илиады» становился возможным только при обращении исследователей к сюжетам «киклических» поэм, в которых главные герои предстают более развернуто.

В частности, если обратиться к одному из центральных образов «Илиады» — Елене Прекрасной, с похищением которой связана причина многолетней войны данайцев против Трои, то в гомеровской поэме ее изображение представлено лишь фрагментарно и довольно «статично». Но значение образа Елены для сюжета «Илиады» становится вполне очевидным, когда мы обращаемся к нескольким поэмам троянского цикла. В этом ракурсе нельзя не согласиться с мнением Л.С. Клейна, считавшего образ Елены значимым для восстановления генезиса всего сюжета «Илиады». «Завязка сюжета с Еленой раскрывается в “Киприях”, развязка в “Гибели Илиона”, а в гомеровские поэмы Елена вошла как готовый образ из киклических поэм», — считает исследователь. Далее он подчеркивает: «Как древнейшая и ведущая фигура всего Троянского цикла, Елена прочно держится в сквозном сюжете этого цикла, соединяющем все его песни. Суть сюжета — похищение жены царя и война за ее возвращение. Елена есть похищаемая и возвращаемая жена царя. Раскрыть истоки образа Елены, значит выяснить происхождение этого сюжета» [2, с. 63].

В свое время исследователи полагали, что указанные поэмы возникли позже «Илиады», считая их создателями неизвестных подражателей Гомера. Но в конечном итоге была установлена их принадлежность к периоду, предшествовавшему времени возникновения гомеровских поэм. Этот вывод «неоаналитиков» имел принципиальное значение для подтверждения фольклорной природы античного греческого эпоса и указывал на связь творчества Гомера с широкой эпической традицией, активно бытовавшей в его эпоху.

В изложенном выше предположении Л.С. Клейна о том, что отдельные главные герои «Илиады» и «Одиссеи» попали в поэмы Гомера в качестве «готовых образов» из других поэм Троянского цикла есть та доля истины, которая состоит в том, что они могли попасть в сюжеты «Илиады» и «Одиссеи» не обязательно из сохранившихся «киклических» поэм, а в целом могли быть взяты певцом из действующего арсенала фольклорных образов и сюжетов, бытовавших в эпической традиции античного греческого общества.

Основные характеристики Гомера и его эпохи, нашедшей свое отражение в указанных поэмах, достаточно точно были определены в исследовании А.Ф. Лосева. Гомер есть, по его мнению, «греческий ионийский эпический художник эпохи разложения общинно-родового строя и перехода его в рабовладельческую формацию» [3, с. 152].

Необходимости в дополнительном толковании этого основного заключения, сформулированного в признанном авторитетном исследовании по творчеству Гомера, нет. Есть лишь вытекающие из него размышления о тесной связи эпического художника с эпической средой и характером сознания, господствовавшего в этой среде в период бытования и записи поэм.

Конечно, мы далеки от проведения прямого тождества между автором «Илиады» и сказителем эпоса «Манас». Их отделяют друг от друга не только даль веков и разница в породившей их специфической исторической почве, но и цивилизационная и этнокультурная неоднородность среды их бытования. «Илиада» — героическая поэма эпохи античности, стоящая у истоков греко-эллинической и римской литературы и культуры в целом. «Манас» — образец живой эпической культуры кыргызского народа, истоки которой уходят в эпоху мифотворчества. Сложение ядра эпического сюжета «Манаса», вероятней всего, происходило в эпоху перехода от родоплеменного общества кочевого типа к раннефеодальной конфедерации племен. Время записи основных вариантов «Манаса» относится к концу XIX и началу XX в.

Если мы пытаемся провести параллели между сказителем «Манаса» и эпическим художником, являющимся создателем «Илиады» и «Одиссеи», то обязаны принимать во внимание не только отмеченные выше различия социокультурных условий их бытования, но и специфические линии эволюции эпической традиции в общем контексте культуры. В первую очередь здесь следует отметить раннюю письменную фиксацию древнегреческих эпических поэм и последующее фундаментальное влияние греческого эпоса на другие виды искусства и литературы эпохи эллинизма и римской классики. Различия траекторий развития эпической традиции в общем контексте эволюции культуры здесь очевидны и бесспорны.

Но все отмеченные выше различия не отменяют и не устраняют той закономерной общности, которая проявляется как на широком уровне типологии фольклорного сознания, так и на более локальном уровне типологии сказительского мастерства и способности народных певцов хранить в памяти и транслировать обширные эпические тексты. Именно этот феномен сказительства находился в центре исследовательской школы Пэрри—Лорда, направленной на раскрытие «техники» воспроизведения эпической традиции. Один из известных сторонников этой школы фольклористики Б.Н. Путилов, осуществивший фундаментальное текстологическое обследование материалов южно-славянских эпических традиций, дал следующую характеристику выводов этой научной школы: «Выясняется, что эпический певец помнит не текст, а нечто совсем другое, гораздо более сложное и богатое. В понятие эпической памяти входит: знание сюжетов и мотивов, персонажей, различных описаний; способов соединения эпизодов в одно целое, умение переходить от одного эпизода к другому и т. д. Другими словами, эпический певец владеет богатой эпической традицией, но также — и то самое главное — умением распорядиться этой традицией в процессе исполнения-воссоздания песни. Конечно же, певец не сочиняет песню, пропевая ее. Песня существует до него и независимо от него, но он всякий раз как бы заново рождает ее» [4].

Исходя из обозначенной выше позиции, мы проводим характеристику автора «Илиады» и «Одиссеи» и кыргызского сказителя на основе отнесения их к единому типу эпических певцов. Более того, мы хотим привести более

расширенные аргументы в доказательство тезиса о том, что эпические певцы, находясь в контексте определенной фольклорной среды, являются наиболее ярко выраженными носителями эпического сознания.

Говоря о характеристиках эпического сознания, мы определяем его в первую очередь как один из типов фольклорного сознания. Следовательно, подчеркиваем его связь с образно-символическим отражением действительности через призму традиционного мировоззрения. Учитывая фольклорную природу этого сознания, следует прежде всего признать его ярко выраженный коллективный характер, а также тесную взаимосвязанность с традиционной моделью мира. Можно проследить, как мифологические сюжеты и образы «Илиады» и «Одиссеи» приобретали черты географической и исторической конкретизации, привязывались к единому циклу вокруг троянского похода. Но важным признаком эпического сознания является не только привязка сюжетов и образов к единой исторической эпохе или событиям исторического значения, а вера эпической среды (носителей эпического сознания) в то, что эти события и герои являются реальными. В силу традиционности этот тип сознания содержит множество элементов предшествующего мифологического мировоззрения, часть из которых входит в его арсенал в сохраненном виде, а часть подвержена новым мотивировкам и переосмыслению с позиций новой эстетики и идеологии. Форма может сохраняться, но движение происходит в новых смысловых связях внутри системы.

Явления эпической традиции имеют свою длительную историю и не возникают внезапно ниоткуда. Следы предшествующего ему типа мировоззрения не исчезают полностью, а переосмысливаются. Поэтому, особенно в ранних эпических текстах, мы имеем отражение эпического сознания не в чистом виде, а скорее всего в облике смешанного мифоэпического сознания. Как эта особенность проявляется в эпической традиции «Манаса», мы попытались показать при рассмотрении вопроса о мифологических истоках эпических традиций «Манаса». Но в поэмах Гомера она, кроме указания на переплетение мифологической и эпической эстетики, имеет еще другие аспекты восприятия роли и функций представителей пантеона божеств носителями такого типа сознания.

Критики отмечали удивительное для античного периода «ироническое» отношение Гомера к богам, которые активно вмешиваются в судьбу троянских и ахейских героев, но сами при этом изображались полными человеческих слабостей и пороков. Однако это противоречие не означает свободного авторского отношения Гомера к культуре центральных божеств, а скорее говорит об отражении того восприятия богов, которое существовало в эпоху родового общества.

Процесс эволюции представлений о божествах от первобытного тотемизма к родовому многобожию был наглядно прослежен в работе О. Фрейденберг, которая отмечала, что в родовом обществе, где власть принадлежит отцу-патриарху, «бог» воспринимался в качестве старшего родственника-покровителя, которому члены родового коллектива могут оказывать услуги. «Люди родового общества легко могут представить себе свободное общение с богами, дружбу с ними, любовную связь; они могут, однако, представить себе и ссору с богами, месть богам, угрозу, войну с богами, даже наказание богам. В “Илиаде” боги и люди — это вовсе не два различных плана, восходящих к двум различным стадиям общественных отношений. Это один план, одно общество, но то, для которого боги еще не всемогущи, а только более

сильные родственники (Зевс для Ахилла). План богов совершенно параллелен плану людей, и сам этот параллелизм говорит о той поре, когда боги — это особые люди, люди — это особые боги» [6, с. 97].

Указанный тезис позволяет рассматривать обнаруженные критиками противоречия поэм Гомера не в ракурсе «выпадения» автора поэм из логики сюжета, а как следствие переходного характера самой эпохи, в которую создавались эти поэмы. Напомним, что А.Ф. Лосев связывал характер отражаемых в поэме социальных связей и смыслов с особенностями мировоззрения эпохи разложения родового общества. Уже критики античного периода (VI—V вв. до н. э.) пифагорейцы и орфики считали, что Гомер приписал богам все, что есть у людей бесчестного и позорного. Это еще раз указывает на то, что классическое восприятие системы древнегреческой мифологии с устойчивой иерархией персонажей и разделением сакральных функций возникло позже, чем в период создания поэм.

Делая предварительные заключения на основе проведенных выше сравнительных наблюдений, мы должны отметить, что живая эпическая традиция сохраняется и может эффективно воспроизводиться при наличии особых условий, главным из которых является эпическое мировосприятие, или шире — сформировавшееся в народной среде особое эпическое сознание. В силу своей традиционности, предполагающей эволюционную преемственность, а не революционное отрицание, это сознание опирается на фундамент мифологических сюжетов и образов, поэтому более точно его начальный тип можно было бы охарактеризовать как сознание мифоэпическое.

Литература

1. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. Л.: Худож. лит., 1940. 648 с.
2. *Клейн Л.С.* Бесплотные герои. Происхождение образов «Илиады». СПб.: ФАН, Худож. лит., Санкт-Петербург. отд-ние, 1994. 188 с.
3. *Лосев А.Ф.* Гомер. М.: Учпедгиз, 1960. 350 с.
4. *Путилов Б.Н.* Школа Пэрри—Лорда в современном мировом эпосоведении // Живая старина. 1994. № 2. С. 26—29.
5. *Радлов В.В.* Предисловие к 5 тому «Образцов...» // «Манас» — героический эпос киргизского народа. Фрунзе: Илим, 1968. С. 23—30.
6. *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. М.: «Вост. лит.» РАН, 1998. 800 с.

K.J. Sadykov

HOMER AND HIS POEMS IN THE LIGHT OF THE LIVING EPIC TRADITION OF «MANAS»

Abstract. This article deals with the questions of typological commonality of transmission and preservation processes of epic tradition. The long-standing dispute among literary critics about whether Homer can be considered the author of the poems «Iliad» and «Odyssey» or they are the product of collective labour of his imitators has led to contradictory decisions and long polemics between the supporters of several theories of ancient Greek epic origin. The appearance of the first recordings of the heroic epic «Manas» from the living narrators allowed taking a new look at the role of the epic singer in the creation of heroic poems and the transmission of the epic tradition. The author of the article proposes to consider Homer as a classical example of epic narrator who embodied in his poems a broad picture of mythoepic worldview of ancient Greeks.

Keywords: Homeric poems, heroic epic «Manas», epic singer, living epic tradition, epic environment, epic knowledge.